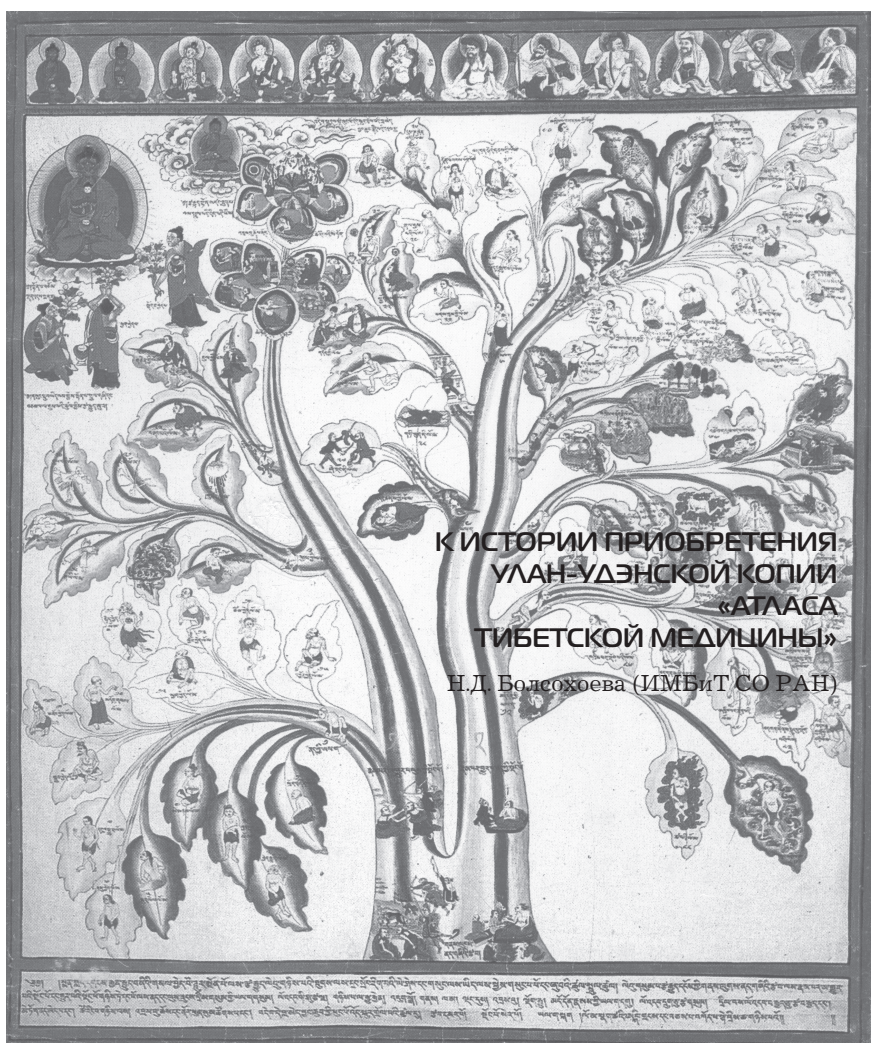

Копия «Атласа тибетской медицины», гигантского кладезя медицинский мысли, созданного на этнокультурной почве Тибета, хранится в фондах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (инв.№ 15, А 18-79, акт особых ценностей). Богатство его содержания и научная значимость как сокровищницы тибетского искусства настолько велики, что он включен в реестр федерального значения. Свод состоит из 76 таблиц, хотя

порядковых номеров – 77, утрачена таблица 62. Картины «Атласа» это «плотный перевод» содержания научных трактатов «Чжуд-ши» (rgyud bzhi) и «Вайдурья-онбо» (vaidurya sngon po) на язык изображений. Как пишет К.М. Герасимова: «Перед нами не только памятник средневековой культуры тибетского общества, но также универсальный источник сведений о Тибете – социальной структуре общества и образе жизни раз-

Публикации и исследования
Атлас тибетской медицины

БР №. 38 - Буддизм России

¹ Герасимова К.М.. Памятник средневековой культуры Тибета // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М., 1994. С. 41.

² К сожалению, этот уникальный медицинский центр был полностью разрушен во времена культурной революции в Китае, а на его месте построена телебашня.

³ См: Meyer F. The Painted Guide to the Teachings of Tibetan Medicine // The Buddha's Art of Healing. Tibetan Paintings Rediscovered. N. Y., 1998, P. 64.

ных слоев населения, материальном производстве, уровне рациональных знаний о человеке, обществе, природе и так далее. Эта тематическая универсальность объясняется спецификой тибетской медицины, которая была наукой о жизни, воспринимавшей человека во всех природных и социальных связях, а также особенностями языка средневековой научной иллюстрации, соотношением текста медицинского трактата и его образного выражения в иллюстрациях»¹.

«Атлас тибетской медицины» создавался под руководством ученого-энциклопедиста и крупного политического деятеля, регента Тибета Деси Сангье Гьятцо (sde srid sangs rgyas rgya mtsho, 1653-1705) на протяжении почти шестнадцати лет с 1687 по 1703 г. Начиная с 1703 г., когда закончилась комплектация подлинника, он хранился в коллекции государственного медицинского колледжа в Чагпори (lcags po ri, досл. «Железный холм») ², строительством которого руководил в 1695-1696 гг. глава исполнительной власти. Колледж был построен согласно концепции, разработанной V Далай-ламой Агваном Лобсан Гьяцо (ngag dbang blo bsang rgya mtsho, 1617-1682) еще в 1643 г. Вскоре после открытия он стал престижным образовательным центром, в котором усилиями медицинских авторитетов была разработана собственная учебная программа по подготовке высококвалифицированных медицинских кадров для всего Тибета. Медицина как один из компонентов тибетской культуры включалась в систему тибетского классического образования и имела четкое понимание своих целей, методов и сферы занятий.

Специалисты, занимающиеся исследованием бесценного источника,

каковым по праву считается «Атлас тибетской медицины», единодушно высказывают мнение, что иллюстрации памятника служили для студентов, проходивших полный курс медицинского образования в учебном заведении Чагпори, наглядным пособием для изучения тибетской медицины и комментирования основных положений двух научных медицинских трактатов «Чжуд-ши» и «Вайдурья-онбо». Трудно, однако, представить, что для этой цели использовались являющиеся шедеврами тибетского средневекового искусства оригинальные таблицы «Атласа». Вероятнее всего, пособиями и наглядными комментариями на ежедневных занятиях студентов манба дацанов служили копии сводов, создаваемые трудом целого коллектива тибетских профессиональных художников и специалистов разного профиля в области тибетской науки и культуры и требующие нескольких лет кропотливого труда.

Французский исследователь Ф. Мейер совершенно справедливо указывает, что копирование медицинских иллюстраций получило широкое распространение уже в XVIII в., когда появились подлинники тибетских медицинских танок. Копировались отдельные таблицы и целые своды. Танки перерисовывались на канве, рисовались на стенах медицинских колледжей, печатались на бумаге ³.

Все работы были, как правило, анонимны, так как анонимность, за некоторым исключением, является характерной особенностью тибетского искусства. Профессиональные тибетские художники, а ими чаще всего были монахи, обучавшиеся под руководством энциклопедически образованных наставников и получившие от них определенные посвящения, предпочитали оставаться «в

тени». Для средневековых тибетских корифеев важным было содержание памятников, а не авторство. То же относится и к созданию копии «Атласа».

Кто же все-таки был инициатором, заказчиком и исполнителем столь масштабного и дорогостоящего проекта по подготовке бурятской копии «Атласа тибетской медицины», где и кем она выполнялась, кто и каким образом организовал ее перевозку в Забайкалье? Документальные свидетельства, по которым можно было бы проследить происхождение бурятской копии «Атласа», либо не сохранились, либо просто отсутствовали. В связи с этим историю копии можно попытаться реконструировать только на основании свидетельств, имеющих к ней отношение людей.

В литературе изложено две версии появления памятника на бурятской этнокультурной почве. Первая гласит: «Мы не располагаем пока точными данными о происхождении атласа; по некоторым сведениям считается, что он был приобретен профессором Б. Барадиным в Лавране, во время его путешествия в Центральную Азию в 1905-1907 гг.»⁴. Авторы, к сожалению, не ссылаются на источник, на котором основаны их свидетельства. Возможно, что их предположение основано на устной информации, полученной в результате длительного общения с высокообразованными бурятскими эмчи в Ацагатском, Гусиноозерском, Агинском и Коймарском (Тункинский район) дацанах во время их экспедиций в Забайкалье в 1931 и 1933 гг..

Версия приобретения «Атласа тибетской медицины» Б. Барадиным (1878-1938) вполне правомерна. Возникает, однако, сомнение, мог ли проф. Б. Барадин располагать без финансовой поддержки других лиц

достаточными средствами для приобретения столь ценного памятника. Если это был на самом деле Б. Барадин, то он действовал, по нашему мнению, по поручению цаннид-кхенбо А. Доржиева, с которым имел на протяжении многих лет тесные контакты, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, а с 1908 г. по 1917 г. – лектором монгольского языка этого университета. Они проводили совместную работу по созданию в Петербурге издательства «Наран», специализировавшегося на публикации памятников тибетской и старомонгольской письменности. Кроме того, А. Доржиев, Б. Барадин, Ц. Жамцарано, Ч.-Д. Иролтуев, М. Богданов, Б.-Д. Очиров, ученый-лама Тарбаев и другие бурятские деятели инициировали создание обновленческого движения (от монгольского «шинэйтгэл», досл. «обновление») с целью использования буддийских институтов для распространения рациональных знаний и преобразования дацанов в центры культуры и просвещения. Вполне возможно, что в Санкт-Петербурге А. Доржиев вел беседы с Б. Барадиным и о копии «Атласа» и поручил ему привезти свод из Восточного Тибета. Однако в доступной нам литературе нет свидетельств о факте приобретения свода проф. Б. Барадиным во время его пребывания в качестве «простого паломника» в Лавране в 1905-1907 гг.

Что же касается второй версии, то она изложена в статье бурятского ученого П.Б. Балданжапова «Материалы по изучению традиционной системы индо-тибетской медицины». Автор, основываясь на опросных данных, пишет: «Они (таблицы «Атласа тибетской медицины» – Н.Б.) были привезены в Цугольский дацан (Читинская область) в конце XIX в. агинским бурятом-лекарем

⁴ Гаммерман А.Ф. и Семичов Б.В. Словарь тибетско – латино-русских названий лекарственных растений, применяемого в тибетской медицине. Улан-Удэ, 1963. С. 6.

⁵ П.Б. Балданжапов. Материалы по изучению традиционной системы индо-тибетской медицины. Новосибирск, 1982, с. 15.

⁶ Оригинальный свод тибетских медицинских иллюстраций, который формировался под руководством Деси Сангье Гьятцо, включал 79 одноформатных таблиц. В Улан-Удэнской версии памятника отсутствуют таблицы 6 и 7, выполненные в Лхундиновской медицинской традиции. Видимо, заказчик Улан-Удэнской копии исключил эти листы, считая, что они не вписываются в рамки медицинской школы, получившей свое развитие под влиянием секты гелугпа на бурятской этнокультурной почве. Содержание оригинальных таблиц приведено в монографическом труде регента, известном под кратким названием «Кхогбуг». См.: Деси Сангье Гьятцо. Кхогбуг. Ганьсу. 1982. С. 386-394. В настоящее время в Институте тибетской медицины и астрологии в Лхасе хранится копия свода, выполненная с оригинального комплекта. Иллюстрации, искусно обрамленные китайским шелком, оформлены в виде тибетских танок.,

Ширабом Сунуевым (1860-1930) из тибетского монастыря Сэрток-Мамба (написание по оригиналу. - Н.Б.), расположенного в Восточном Тибете, где III. Сунуев более десяти лет (в конце XIX – начале XX в.) изучал медицину. Его ученики, Даши Цыбикмитов и Балдан Дашиев, сообщали, что изучали основы медицины по этим таблицам. Картины хранились в Цугольском дацане примерно до 1926 г. Затем по просьбе Агвана Доржиева (1853/54-1938. - Н.Б.) были переданы главой Цугольского дацана Норбоевым (геше лхарамба, тибетский подданный, шестой перерожденец Доломорского Ганжурвы – гегена. - Прим. авт.) Ацагатскому медицинскому дацану, созданному тем же А. Доржиевым. В 1936 г. их обнаружил и доставил в Улан-Удэ Жалсан Жапович Жабон, который много лет, вплоть до кончины в ноябре 1970 г., был главным хранителем фондов Республиканского краеведческого музея Бурятской АССР (ныне Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. - Прим. авт.). Рассматриваемые картины восходят к оригиналам, которые, возможно, и поныне хранятся в указанном тибетском монастыре⁵ (имеется в виду Сэрток манба дацан. - Н.Б.). К сожалению, автор статьи не сообщает, в каком году копия «Атласа тибетской медицины» была привезена в Цугольский дацан. Возникают сомнения по поводу Сэрток манба дацана, поскольку в известных нам тибетских источниках по истории медицины в Восточном Тибете, равно как и в трудах отечественных и зарубежных ученых, название этого дацана не приводится. Не учтен он и на карте, изданной Тибетским монастырским институтом в Риконе (Швейцария), где в подробностях указываются все тибетские монастыри. Наша точка зрения заключается в том, что копирование свода меди-

цинских иллюстраций инициировал цаннид - кхенбо А. Доржиев. Только он, на наш взгляд, обладал влиянием и средствами, достаточными для осуществления столь грандиозной задачи, как копирование, приобретение и транспортировка копии «Атласа» в Забайкалье. Попытаемся обосновать нашу версию и реконструировать согласно ей историю привоза копии в этническую Бурятию.

А. Доржиев был исключительно влиятельной личностью при дворе Его Святейшества. Он внес огромный вклад в развитие отношений между Россией и Тибетом в начале XX в. А. Доржиев официально признавался полномочным представителем Тибета в России (официальных дипломатических отношений между Россией и Тибетом не существовало), а после Великой Октябрьской революции – представителем Тибета в РСФСР. Он способствовал активному внедрению буддизма в разные сферы культуры бурятского и калмыцкого этносов, подготовил строительство в столице Русской империи Санкт-Петербурге буддийского монастыря. Он планировал организовать сотрудничество буддийских мыслителей из Монголии, Бурятии и Калмыкии и ряда стран Южной и Юго-Восточной Азии с учеными-буддологами из научных учреждений Санкт-Петербурга, что, по мнению А. Доржиева, открыло бы большие возможности для изучения буддийского наследия.

А. Доржиев, будучи фигурой огромного масштаба и имеющий свободный доступ во все правительственные и монастырские учреждения Тибета, был хорошо осведомлен о составе богатых тибетских коллекций. Нет сомнения в том, что он знал о существовании оригинального комплекта «Тибетских медицинских танок», включающего 79 таблиц⁶. Свод

хранился в библиотеке медицинского колледжа в Чагпори, которая по праву считалась сокровищницей книжной культуры тибетского народа. Библиотека представляла собой поистине реликварий, основное содержание которой составляли культурные ценности редких ксилографических изданий тибетской литературы разных жанров, парадно оформленные рукописные книги и памятники искусства.

А. Доржиев долгое время вынашивал идею по укоренению среди бурят тибетской медицинской культуры, в которую, как хорошо известно, бурятские традиционные медики (эмчи) внесли свой весомый вклад. Достаточно назвать монгольские переводы основополагающего трактата по тибетской медицине «Чжуд-ши» и практического руководства по клинике и терапии «Ман-наг Лхантаб» (man ngag lhan thabs), написанный Деси Сангье Гьятцо в 1690 г. как дополнение к третьему тому «Чжуд-ши». Названные переводы явились базовыми учебными пособиями для будущих студентов-медиков в Цугольском манба дацане, открытие которого состоялось в 1869 г. Это был первый медицинский факультет в Забайкалье, созданный крупным монгольским эмчи - ламой Чой - менрамба (chos sman rams pa)⁷. Переводы выполнены на высоком научном уровне первым настоятелем Цугольского дацана Л. Дандаровым (1781-1859), бурятским буддийским корифеем, медицинским авторитетом и основоположником первого цаннидского (философского) факультета в 1845 г. на территории расселения бурятского этноса. Позднее появился монгольский перевод капитального комментария на «Чжуд-ши», известного в тибетологической литературе под кратким названием

«Мейбо Шаллунг» (mes po'i zhal lung, досл. «Наставление предков»), написанный представителем сурской медицинской школы Суркха Лодой Гьялпо (zur mkhar blo gros rgyal po, 1509-1579). Бурятские медицинские авторитеты внесли большой вклад в разработку понятийно-терминологического аппарата и составление билингвых тибетско-монгольских словарей. Речь идет о лексикографических трудах махапандиты Г.-Ж. Тугулдунова (1815-1872/1873)⁸, настоятеля Агинского дацана с 1858 г. по 1872 г., и филолога-монголоведа, писателя и переводчика Р. Номтоева (1821-1907)⁹, настоятеля Тугну-Галтаевского дацана с 1857 г. по 1864 г. Тибетско-монгольские словари предназначались для перевода тибетских текстов, включая и медицинские источники, на старо-монгольский письменный язык, а также для разъяснений сложнейшей технической терминологии.

Бурятские эмчи составляли рецептурные справочники - чжоры (sman sbyor, досл. собрание лекарств), с учетом заменителей оригинального тибетского лекарственного сырья растительного происхождения из Забайкальской флоры. Некоторые из них написаны на тибетском языке, который для этнокультурного монгольского региона играл приблизительно такую же роль, как латынь для народов Западной Европы. Примером такого справочного руководства может служить «Большой Агинский Чжор», составленный Суматипраджня / Лобсан Шейрабом (blo bsang shes rab), один экземпляр справочника имеется в фондах Отдела памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ОПП ИМ-БиТ СО РАН). Фонд редких книг и рукописей Музея истории Бурятии

они находятся в постоянной экспозиции Института. Из личной беседы с доктором Цеван Тенпа, менеджером тибетского госпиталя в Лхасе, известно, что копирование комплекта осуществлено группой современных тибетских художников около 20 лет тому назад с оригинального свода (информация получена в 1998 г. в Лхасе). Копия состоит из 80 таблиц, последняя таблица не имеет отношения к основному корпусу. Она является поздним дополнением и нарисована по указу Кьенраба Норбу (1883-1962), личного доктора XIII Далай-ламы Агван Лобсан Тубтен Гьятцо (1876-1933). На ней изображены 13 деятелей, внесших неоценимый вклад в укоренение и развитие медицинской мысли в Тибете. Данная копия послужила основой для издания «Тибетских медицинских танок», опубликованных Китайским народным книжным издательством в 1986 и 1988 гг. Подробно см.: Болсохоева Н.Д. «Тибетские медицинские танки» из собрания Института тибетской медицины и астрологии а Лхасе (Проблемы комплектации свода и его структура) // Культура Центральной Азии: Письменные источники. Улан-Удэ, 1999. Вып. 3. С. 148-169.

⁷ См. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы (коллективная монография). Новосибирск, 1983. С. 62-63.

⁸ Тугулдуров Г.Ж.. Синонимика названий лекарственного сырья (Пояснение синонимов лекарств, о которых рассказывается в медицинских текстах). Ксилографическое издание Агинского дацана 1869 г.

⁹ См. Номтоев Р.(Суматиратна). Тибетско-монгольский словарь, составлен в 1877 г. Его переиздание в 2-х томах было предпринято в Улан-Баторе в 1958 и 1969 гг.

¹⁰ Справочник имеет тибетское название E rel thue mkhan po chos 'dzin rdo rje sman gi sbyar tshad yin no. 82 л. инв. 14824 (19).

¹¹ Титульное название справочника - E the gel'i mkhan po bkra shis rdo rje'i sman gis sbyar tshad zhes bya ba bzhugs so. 33 л. инв. 14824 (8).

располагает рецептурными справочниками, авторами которых являются Хамбо-ламы и крупнейшие медики Ч.-Д. Иролтуев (1843-1918)¹⁰ и Д.Д. Итыгилов¹¹. В справочниках приведены рецептурные прописи, представляющие собой выборку из тибетских медицинских источников, с учетом применения местного сырья. Они написаны на тибетском языке с подстрочным монгольским переводом, что в значительной степени облегчает ее использование бурятскими эмчи при составлении многосоставных тибетских препаратов. Справочники служат незаменимыми практическими руководствами по приготовлению лекарственных средств, применяемых для лечения широкого спектра заболеваний, распространенных среди бурятского населения. Из вышесказанного следует, что предпосылки для успешного освоения медицинского наследия Тибета на бурятской этнокультурной почве уже существовали.

Сутью планов А. Доржиева было прежде всего открытие новых манба (медицинских) дацанов для обучения студентов-бурят и приобретение специальной учебной литературы на тибетском языке, включая и наглядные комментарии по всему курсу тибетской медицины. Думается, что именно с этой целью он и организовал копирование полного свода многоцветных медицинских иллюстраций из коллекции памятников тибетской культуры в Чагпори и выступил заказчиком по подготовке копии. Он намеревался создать коллегия по переводу медицинского наследия Тибета на старомонгольской язык, признанный официально письменным языком бурят. А. Доржиев был уверен, что монгольские переводы в значительной степени будут способствовать более плодотворному освоению

бурятскими студентами сложного предмета тибетской медицины.

Организация, успешное выполнение и завершение проекта требовали колоссальных усилий, энергии и финансовых затрат. Вполне вероятно, что XIII Далай-лама Агван Лобсан Тубтен Гьятцо ассигновал из своей казны определенную сумму на реализацию многолетнего и дорогостоящего проекта. Необходимы были огромные затраты на приобретение и изготовление рам из дорогих пород дерева. Рамы использовались для натягивания на них дорогого льняного полотна, на которое наносился контур изображений. Прежде полотно пропитывалось несколькими слоями клея растительного или животного происхождения, произведенного по специальной технологии, которой владели мастера, прошедшие профессиональную подготовку. Клей выполнял своеобразную защитную функцию, благодаря которой краски не впитывались в полотно. Немалые суммы предназначались на покупку дорогостоящих красок минерального и органического происхождения, набора драгоценных металлов, прежде всего золота и серебра, из которых готовились специальные краски. Широко использовалась ртуть. Сложнейшая технология обработки ртути сохранялась в секрете, ею владели мастера, прошедшие специальный курс обучения под руководством высокообразованных специалистов. Обработанная ртуть применялась тибетскими мастерами для смешивания с краской золотого цвета для ее большей устойчивости. Такой принцип приготовления краски используется и современными мастерами, в чем мы могли убедиться во время личных бесед с высокопрофессиональными тибетскими и неварскими художниками во время наших неод-

нократных научных командировок в Непал.

Кроме того, для работы необходимы были драгоценные камни, которые подвергались традиционной обработке, передаваемой из поколения в поколение; они измельчались в порошок, а затем из порошкообразной массы готовились краски. Как правило, драгоценные камни закупались за границей. Большие суммы тратились на изготовление кисточек и приобретение бамбукового стила, применяемого для нанесения контура изображений. Из вышесказанного напрашивается вывод, что, прежде чем приступить к копированию памятника, А. Доржиеву и его помощникам предстояло проделать сложную подготовительную работу, на выполнение которой потребовалось немало времени.

Выполнение столь масштабного проекта, по нашему убеждению, было под силу только такому авторитету, каким являлся А. Доржиев. По нашему же мнению, копирование таблиц с оригинала производилось в конце XIX - начале XX в. в Чагпори, поскольку этот период характеризуется исключительно активной деятельностью А. Доржиева при дворе XIII Далай-ламы Агван Лобсан Тубтен Гьятцо в столице Тибета, Лхасе. Далее А. Доржиеву предстояло решить сложнейшую задачу по организации его транспортировки в Забайкалье. Проф. Г.Ц. Цыбиков следующим образом описывает свое возвращение из Лхасы в Кяхту, длившееся восемь месяцев с 10 сентября 1901 по 2 мая 1902: «...Итак, я стал собираться в путь. Приготовления шли довольно медленно и особенно много было возни с книгами. Их нужно было хорошо и умело обернуть сукном в защиту от сырости и зашить в сырые воловьи шкуры для того, чтобы их не про-

мочила вода от дождей и глубоких попутных рек, где при переправах груз весь погружается в воду. Швы зашитых тюков обмазываются смесью крупчатки с кровью свиньи, что закупоривает все отверстия, через которые могла бы пройти вода. Таких тюков у меня оказалось двадцать, т. е. на десять вьючных подвод. Затем на четыре подводы нужно было навьючить провизию, одежду и другие вещи, принадлежащие мне и моим людям, коих пришлось нанять троих, в том числе и переводчика, бывшего все время со мною»¹².

Нет сомнения в том, что примерно такой же подготовительный этап по доставке копии «Атласа тибетской медицины» в Трансбайкалье предстояло проделать приближенным и доверенным лицам А. Доржиева. При перевозке памятника в Цугольский дацан необходимо было учесть все сложности опаснейшего пути.

Известно, какой изнурительный путь проделывали бурятские паломники из столицы Тибета через Монголию в родные пенаты. Благодаря своему незаурядному организаторскому таланту, Агван Доржиев, вероятнее всего, поручил своим соотечественникам тайно перевезти комплект копии «Атласа» из Лхасы в один из манба дацанов в Восточном Тибете. В статье П.Б. Балданжапова «К изучению источников индо-тибетской медицины» фигурирует название Сэртук манба дацана¹³. Есть основания предположить, что А. Доржиев был уверен в том, что доставка монументального памятника из Восточного Тибета в Бурятию окажется менее рискованной, чем непосредственно из столицы Тибета. К тому же при монастырях Восточного Тибета проживала большая монгольская и бурятская диаспора, что объяснялось духовной и географической близос-

¹² Цыбиков Г.Ц.. Избранные труды в 2-х томах. Новосибирск, 1981. Т. 1. С. 205-206

¹³ Балданжапов П.Б.. К изучению источников индо-тибетской медицины. с. 15.

¹⁴ См. Тугутов Г.Ф. К истории музеев в Бурят-Монголии // Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Улан-Удэ, 1941. Вып. V-VI. С. 146. А.Литвин сообщает, что организация антирелигиозного музея началась в 1934 г. и продолжалась до ноября 1937 г. См.. Литвин А.. Бурят - Монгольский антирелигиозный музей // Там же.. С. 242.

тью регионов. А в Лавране даже существовало официально признанное бурятское землячество, состоящее из монахов, выходцев из Забайкалья. Буряты совершали более частые путешествия из Восточного Тибета в родные дацаны, прежде всего в Цугольский и Агинский.

Раритет появился первоначально в Цугольском дацане, где использовался в качестве наглядного учебного пособия до 1926 г., в 1936 г. - в Ацагатском и в этом же году был перевезен в Бурят-Монгольский антирелигиозный музей (ныне Музей истории Бурятии). В литературе имеются сведения, что официальное открытие антирелигиозного музея состоялось 8 ноября 1937 г. ¹⁴ Следовательно, свод «Атласа тибетской медицины» передали в коллекцию музея, когда там велись организационные работы по его открытию.

По всей вероятности, «Атлас» хранился в Ацагатском дацане всего несколько месяцев и вряд ли за столь краткий срок мог быть использован в качестве учебного пособия. Однако наличие 65 таблиц так называемого «Малого Атласа» (одна из таблиц не закончена, на ней нанесены только черно-белые контуры рисунков), выполненных на русской бумаге, свидетельствует о том, что бурятские медики и художники, следуя традиции своих тибетских предшественников, приступили к копированию свода почти сразу же после его транспортировки в Ацагатскую медицинскую школу, учредителями которой были А. Доржиев и Ч.-Д. Иролтуев. Вполне вероятно, что «Малый Атлас» доставили в антирелигиозный музей вместе с копией «Атласа тибетской медицины». Художники не успели скопировать свод в полном объеме, начавшиеся в отношении лам репрессии приостановили столь важную

работу. В настоящее время таблицы «Малого Атласа» хранятся в фондах Музея истории Бурятии. Не исключено, что инициатором копирования иллюстраций «Малого Атласа» был Д. Ендонов, директор Ацагатской медицинской школы, которую он возглавлял с 1926 г. Он известен как составитель адаптированного учебника на старомонгольском языке по всему курсу тибетской медицины с элементами современной европейской медицины. Учебник снабжен его собственными рисунками и имеется в фонде редких книг и рукописей Музея истории Бурятии.

Ж.Ж. Жабон, которому принадлежит заслуга в перевозке «Атласа тибетской медицины» из Ацагатского дацана в антирелигиозный музей, был учителем по профессии и занимал должность ответственного инструктора Союза воинствующих безбожников. Будучи высокообразованным человеком в области бурятской буддийской культуры, он проводил огромную работу по сохранению памятников духовной культуры своего народа и текстов на тибетском языке и старо-монгольской вертикальной письменности. Из устной информации, полученной от Юмжан Жабон, внушки Ж.Ж. Жабона, удалось выяснить, что Ж.Ж. Жабон вывез реликвию из Ацагатского дацана в Улан-Удэ по личной просьбе А. Доржиева. Обеспокоенный судьбой «Атласа тибетской медицины» и будучи исключительно проницательным человеком, А. Доржиев видел в лице Ж.Ж. Жабона надежного друга, обладающего мужеством и выдержкой. Он был уверен в том, что официальные бурятские власти не посмели бы уличить ответственного сотрудника Союза воинствующих безбожников в сотрудничестве с представителями духовенства. В то время, это

были тридцатые годы, уже начались репрессии против лам, и многие из них покидали дацаны. Поэтому А. Доржиев и возложил на Ж.Ж. Жабона задачу по перевозке «Атласа» в Улан-Удэ. Он, видимо, предчувствовал, какая судьба уготована этому уникальному памятнику тибетской культуры и с целью его сохранения для последующих поколений незамедлительно организовал передачу раритета в Антирелигиозный музей.

Таким образом, в 1936 г. (как было отмечено выше, официально музей открылся 8 ноября 1937 г.) реликвия появилась в коллекции музея в виде одноформатных, разрозненных таблиц размером 65 x 88 см. – по внешней рамке и 54 x 62 см. – по внутренней рамке. На оборотной стороне каждой таблицы «Атласа» поставлен овальный штамп антирелигиозного музея. Со слов бабушки, жены Жалсан Жаповича, Юмжан знает, что А. Доржиев имел тесные контакты с Ж.Ж. Жабонем (они – уроженцы соседних деревень) и именно с его благословения появилась молодая бурятская семья, в которой родилось трое детей. Одна из них – мама Юмжан.

Копия «Атласа тибетской медицины» пролежала в музее более двадцати лет «за семью печатями» и только отдельные сотрудники могли быть осведомлены о реликвии, которая имеется в их коллекции, вся информация держалась в глубокой тайне. Мы не располагаем документальными свидетельствами, в каких условиях на протяжении длительного периода хранился памятник. Судя по его хорошей сохранности в наши дни, есть основания предположить, что главный хранитель фондов Ж.Ж. Жабон чувствовал большую ответственность за сохранность «Атласа тибетской медицины» и соблюдал строгие правила его хранения.

Научная общественность узнала о существовании копии памятника только в 1958 г., когда К.М. Герасимова сообщила о его наличии в коллекции музея А.Ф. Гаммерман и Б.В. Семичову, которые в то время работали над составлением «Словаря тибетско-латино-русских названий лекарственного сырья, применяемого в тибетской медицине». Исследователи познакомились с шедевром в фондах музея. К.М. Герасимова знала о существовании «Атласа тибетской медицины» от своей матери А.И. Герасимовой, работавшей в тридцатые годы прошлого столетия директором антирелигиозного Музея. Составители лексикографического руководства планировали издать рисунки «Атласа» с изображениями растительного лекарственного сырья в качестве второй иллюстративной части к словарю, но их планы ввиду отсутствия финансовых средств не были реализованы. Копии рисунков лекарственных растений были выполнены художниками А. Окладниковым, Т. Рудь и Е. Невольиной.

Таким образом, очевидно, что в деле приобретения «Атласа» и его доставки в Бурятию принимало участие огромное количество людей, в числе которых были проф. Б. Барадин, эмчи Ш. Сунуев и многие другие известные и неизвестные люди, однако главная заслуга принадлежит, по нашему глубокому убеждению, цаннид – кхенпо А. Доржиеву.

